

АНАТОЛИЙ МУЗИС

ТЫРЛО

НОВЕЛЛА

Анатолий Музис
Тырло. Новелла

«Издательские решения»

Музис А.

Тырло. Новелла / А. Музис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854412-5

— Вы не знаете, что такое геология. Вы представляете, что геолог — человек с молотком, где ударит — что-нибудь обнаружит. Те времена прошли. Факты, что лежали у дороги, подобраны. Вы уверены, что пройдете за мной повсюду. А я иду и все время думаю: где мы? Что ожидает нас впереди? Проведем здесь лошадей или обойти стороной? Успеем мы до темноты вернуться в лагерь или придется заночевать? А если заночевать, то где? И при этом я ни на минуту не должен забывать то, зачем иду — геологию.

ISBN 978-5-44-854412-5

© Музис А.

© Издательские решения

Содержание

ТЫРЛО	6
(новелла)	7
1	8
2	9
3	17
4	24
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тырло Новелла

Анатолий Музис

© Анатолий Музис, 2018

ISBN 978-5-4485-4412-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЫРЛО

Анатолий Музис

(новелла)

Хорошо сидим...

1

– Не понимаю, зачем Вам в палатке женщина?

– Мопассан говорил: «На земле есть две муки – это отсутствие воды и отсутствие женщин». Я не пустынный и не могу обходиться без того и без другого.

– Вы откровенны!

– Я же знаю, что имею дело с умной женщиной.

Викентий Петрович шутил, словно не было ни одуряющей жары, ни предотъездовской спешки. Но Маша знала: Викентию Петровичу пальца в рот не клади. Он из любой шутки мог сделать серьезные выводы и, наоборот, любой серьезный разговор повернуть на шутку. И все же положение Маши было затруднительным. Шутил ли Викентий Петрович или под видом шутки говорил серьезно, Маша не могла ответить ему улыбкой. И не столько не могла, сколько не хотела. А без улыбки она была бессильна, как черномор без бороды.

– Это же несправедливо, – все еще пытаюсь выдержать разговор в серьезном тоне и непроизвольно капризно надувая губки, сказала она. – Себе Вы берете палатку на одного, а мне предлагаете поселиться с поварихой. Викентий Петрович пожал плечами, словно от него ничего не зависело.

– Начальнику партии полагается отдельная палатка.

– Но ведь я женщина!

– А я мужчина.

– Но Вы же прекрасно знаете – я могу ночевать с поварихой, но не работать с ней.

– Поэтому я и предлагаю Вам свою палатку.

Их разговор начался с этой фразы и вот уже в третий раз вернулся к ней. Маша поняла, что конца не будет. Она поднялась.

– Вы очень любезны, – сказала она. – Но я не воспользуюсь ни Вашей любезностью, ни вашей палаткой. Уж если мне предстоит выбирать, с кем поделить палатку, то я предпочту Илью.

– Он Вам больше импонирует?

– Нет. Я просто могу больше рассчитывать на его скромность.

Она хотела уйти, но Викентий Петрович остановил ее.

– Подождите! Я не все сказал.

Маша испытующе посмотрела ему в глаза – что еще за новый ход придумал он. В глазах Викентия Петровича светилась добрая улыбка шутника. Это был совсем иной человек, чем тот, с которым она только что разговаривала.

– Вы же не дослушали меня, – добродушно сказал Викентий Петрович. – Я только что хотел сообщить, что Вам нет нужды селиться в одну палатку с Ильей. Сегодня к нам должен приехать еще один старший коллектор, девушка...

Глаза Викентия Петровича смеялись и Маша только покачала головой. Сколько еще не сделано, а Викентий Петрович отвлек ненужным разговором добрых полтора часа.

Она повернулась и пошла ничего не ответив, а Викентий Петрович смотрел ей в спину и Маша не видела, как его взгляд менялся, становился из дружественно-шутливого задумчивым и жестким.

2

Человек в чужом городе всегда сирота.

Надя сдала документы в контору Экспедиции, вышла на крыльцо и остановилась, не зная куда идти и что делать. По двору ходили молодые бородатые парни и пожилые мужчины обритые наголо. Двери склада были распахнуты настежь и в их черном провале тускло мерцала электрическая лампочка. Оттуда выносили седла, вьючные ящики, молотки, кошмы. У другого склада взвешивали муку и рабочие, подтаскивающие мешки, были припорошены ее белой пылью. На другом конце двора, в тени высоких сосен, стояли три десяти-местные палатки. Там тоже что-то паковали, увязывали.

Палатки стояли над рекой и за ними виднелась спокойная широкая гладь воды, по краю которой, почти в точности повторяя все изгибы и повороты реки, тянулась белая полоска дороги. Вдалеке синели горы. Туда лежал путь Нади, но сейчас она стояла на крыльце и не знала, куда идти и что делать.

Лагерь геологов

На крыльцо вышла девушка, с которой Надя разговаривала в конторе. У девушки были добрые близорукие глаза, которые она без очков щурила на Надю, и веселые кудряшки, так не подходящие к обстановке дорожных сборов и предотъездной суеты.

– Вы еще здесь? – спросила она.

– Здесь. Я не знаю, куда мне идти.

– А Вы в чьей партии?

– У Инокентьева.

– У Инокентьева? – девушка как будто изумлялась смелости Нади. – Пойдемте, я Вам покажу.

Они шли через двор, залитый солнцем. Песок под ногами был раскален так, что через кожу полуботинка чувствовался его зной. Но дышалось легко – ветер с гор доносил прохладу.

– Вы студентка?

– Да.

– С какого курса?

– Четвертого.

– У нас в этом году много студентов, – сказала девушка из конторы. Не представляю, как вы там живете в горах.

Надя сама не представляла и поэтому ничего не могла ответить.

Они подошли к палаткам. Здесь, в тени сосен, стояли два длинных, сбитых из досок, стола, по бокам которых были врыты скамейки. На краю одного из столов стоял радиоприемник, электропроводка и антенна к которому спускались прямо с дерева. Паренек в тюбетейке крутил ручки настройки. Мелодичная музыка сменялась резким голосом диктора, а он снова перекрывался музыкой. Что искал паренек в эфире, Наде было непонятно.

Палатки геологов

Когда музыка или голос диктора звучали громче, чем это можно было допустить, паренек поглядывал на соседний стол, где сидели четверо геологов. Трое были молодые, похожие на выпускников, четвертый был представительный мужчина. Перед ними лежала карта и он что-то объяснял им. Разговор, видимо, шел о территории предстоящих работ.

Надя ждала, когда они кончат говорить. Инокентьев не оборачивался. Тогда девушка из конторы сказала:

– Викентий Петрович – вот ваш новый коллектор.

Инокентьев на минуту оторвался от разговора, окинул Надю оценивающим взглядом, как будто принимая товар со склада, и сказал равнодушным голосом:

– Очень приятно. Найдите нашего прораба, Векшина, он получает имущество со склада, и у него получите все указания о выезде.

Инокентьев отвернулся и снова продолжал разговор с высоким долговязым геологом, а Надя не стала разыскивать никакого Векшина. Она вышла на середину двора. Раскаленный песок жег ноги сквозь подошвы ботинок.

Склад

У складских помещений громоздились кучи полевого имущества – палатки, посуда, инструмент, продукты – ящики с консервами в металлических и стеклянных банках, мешки с крупами, сахарным песком и мукой. Который из находящихся там сотрудников партии Векшин, угадать было трудно. Надя круто повернулась и прошла в палатку, села на койку, около которой стоял оставленный еще с утра чемодан, достала из него лист бумаги и стала писать письмо подруге.

«Милая Люся, – писала она, – мне немножко страшно. Кругом горы и люди, чужие и неприветливые. Это не крымская практика с морем и преподавателями... Я сама даже не знаю, как получилось, что я все-таки дала согласие поехать сюда. Все произошло неожиданно и в самый последний момент. Теперь я очень жалею, что мы с тобой не вместе...».

В палатке было душно, несмотря на откинутый полог и подвернутые стенки палатки. Солнце настолько нагрело ткань, что даже ветерок был не в состоянии ее остудить. Но может быть именно поэтому в палатке никого не было и никто не мешал Наде. И, тем не менее, писать было трудно. Надей владело двойственное чувство: те, с которыми ей предстояло сдружиться, еще не были ее друзьями; палатка, в которой она сидела, хоть и являлась ее жильем, но была жильем необычным, еще чужим, со своими законами и правилами.

«Мною владеет двойственное чувство, – писала Надя. – Те, с которыми предстоит сдружиться, еще не стали моими друзьями; палатка, в которой я сижу, еще чужая мне, у нее свои законы, свои правила. Подойду ли я здесь или так и останусь чужой и далекой?..».

Надя подняла голову. Прямо перед ней возвышался столб, поддерживающий свод палатки. В столб были вбиты гвозди и на них висели куртки, плащи, полевые сумки.

Раскладные парусиновые койки стояли тесно одна к одной по смешному растопырив тонкие деревянные ножки. На койках лежали спальные мешки, где свернутые в рулон, где сложенные пополам, а где и разостланные, но аккуратно расправленные и застегнутые – чувствовалось, что палатка женская. И только койка, на которой сидела Надя, была неприятно голая – Надя еще не успела получить спальный мешок.

В палатку вошел человек и остановился, загордив свет. Это был парень среднего роста, остриженный наголо и одетый очень небрежно. Его мешковатые хлопчато-бумажные брюки были перепачканы мукой, а выцветшая майка-безрукавка не скрывала татуировки на груди – большого синего орла. Голова и плечи парня тоже были припорошены мукой и даже на кончике носа сидело смешное белое пятнышко.

– Вы Стрешнева? – безошибочно определил он.

– Я.

– Будем знакомы. Векшин Илья.

Он крепко тряхнул Надину руку и сказал:

– Меня Викентий Петрович к Вам послал. Пойдемте, получите спальный мешок, да, заодно, поможете мне. Завтра выезжаем, а еще почти ничего не получено. «Спальный мешок – это человек!» – добавил он непонятное...

Вторжение Векшина в ее мысли было столь неожиданно и бесцеремонно, что Настя даже оторопела. Она смотрела на него, не зная, что ответить. Лишь мгновенно проскользнула в сознании одна мысль: «Значит, Инокентьев не забыл ее. Распорядился».

Илья не понял ее молчания. Он решил, что пауза относится к его костюму.

– Вы не смотрите на меня, – сказал он. – Я, когда выезжаю в поле, всякую связь с цивилизацией порываю. Галстук «по боку», костюм тоже. Люблю старое донашивать... Одеваю вот эту хламиду – он хлопнул себя по брюкам, брею голову...

Надя вспомнила бородатых парней, ходивших по двору, и улыбнулась.

– А бороду не отпускаете?

– Нет, бороду не отпускаю...

Илья говорил весело и бесцеремонно, и Надя смотрела на него и не могла поверить, что он говорит правду. Ей, молоденькой девушке, студентке четвертого курса все женатые люди казались стариками, казались категорией людей, до которой Наде так далеко, как до звезд, до луны. А Илья не укладывался в это представление. Он был молодой, веселый, общительный... и женатый! Сомневаться в правдивости его слов, пожалуй, не приходилось, и все же Надя спросила:

– А Вы женаты?

– Факт, женат. И даже имею сына. Показать?

Не дожидаясь, пока Надя выразит согласие, Илья тут же полез в полевую сумку и, среди всяких накладных и всяких бумажек, вытащил конверт, а из него фотографию.

– Во, парень! Гвардеец.

На карточке был заснят бутуз в возрасте около годика. Он стоял, смешно растопырив ручки и было видно, что ходить он научился только-только.

Надя, улыбаясь, рассматривала фотографию, потом посмотрела на Илью. Человек этот был новым для нее, неожиданным и интересным. И главное, она чувствовала, что может понять его, узнать поближе. Он был весь как на свету: ни малейшей тени, ни утайки – подходи и бери, что тебе надо. Только будь так же честен и открыт, как он.

В палатку вошла молодая женщина, взглянула через плечо Ильи и засмеялась.

– Уже хвастаешься?

– Ну и хвастаюсь, – сказал Илья, пряча фотографию. – Заводи такого, тоже будешь хвастаться.

Женщина пропустила мимо замечание Ильи и сказала явно поддразнивая его.

– Все равно ты его не любишь.

– Еще как люблю.

– Любишь, а уезжаешь на полгода?

– Все равно люблю, – убежденно сказал Илья и вдруг улыбнулся. – А ты-то своего мужа любишь? Тоже уезжаешь на полгода.

– Ну, мы другое дело, – сказала она. – Я его люблю, он меня...

– И они меня любят, – сказал Илья.

– Да кто тебя полюбит такого чумазого? Дай-ка я за тобой поухаживаю.

Она вынула тонкий батистовый платочек и аккуратно, как маленькому, вытерла ему нос.

Илья покорно позволил произвести над собой эту операцию, потом познакомил их:

– Маша, это наш новый коллектор – Стрешнева. А это – обратился он к Наде, представляя ей ту, которую только что назвал Машей, Мария Михайловна Новикова, наш геолог.

– Зовите меня просто Машей, – сказала Новикова, задорно тряхнув головой. – Меня все так зовут.

Маша была худенькая женщина лет двадцати семи, невысокого роста, подвижная и экспансивная. Она понравилась Наде с первого взгляда. Понравилось сочетание простоты и изящества, – Маша была в черных сатиновых шароварах и шелковой блузке под «ковбойку», – понравились простота и непринужденность в обращении, даже как она поддразнивала Илью и то понравилось Наде.

– Как хорошо, что ты в нашей партии, – сказала она. – А то я уже боялась, что у нас все мужчины.

Маша улыбнулась.

– Чего же их бояться? Вот, скажем, Илья. Он совсем не страшный.

– Да, а Викентий Петрович?

– Тю! – воскликнул Илья. – да я против Викентия Петровича все равно, что ноль без палочки. Викентий Петрович – голова! Радоваться надо, что к нему в партию попали. У нас тут многие хотели бы с ним поехать.

– Не слушайте его, – сказала Маша. – Викентий Петрович, конечно, интересный и знающий геолог, но Илья, как и во всем, преувеличивает.

– Ха, преувеличиваю! А саму, когда спросили, с кем она хочет поехать, сказала: «К Иннокентьеву».

Илья так хорошо скопировал интонацию Маши, что все невольно рассмеялись.

– Ладно, – сказала Маша, – а ты чего к Наде прицепился. Тебя имущество там ждет.

– Я за этим и пришел. Меня Викентий Петрович к ней послал...

– За имуществом?

– Не за имуществом, а за ней. Чтобы мешок спальный себе выбрала, да и помогла мне...

– Иди, иди, сам справишься.

– А мешок?

– После получит. Да иди ты, – прикрикнула она. – Дай нам немного посплетничать...

Когда Илья ушел, Надя спросила Машу:

– Вы давно его знаете?

– Илью? – Маша скорчила веселую гримасу. – Недели три.

– Вот как? И Вы так... запросто.

Надя даже руками повертела не найдя нужного слова.

– А что же мне ему реверансы делать? Нам весь сезон надо прожить и проработать. И лучше в дружбе, чем в ссоре. А чтобы подружиться с человеком достаточно одного дня. В поле люди всегда становятся проще и доступней. И веселей, – подумав, добавила Маша.

Надя сомнительно покачала головой.

– Нет, я так сразу не могу.

– Бывает, что у человека и червоточинка какая обнаружится, так ведь все мы не идеальны. Да и это сразу видно. А если человек не симпатичный, его хоть год разглядывай, все равно он симпатичней не станет. Да и времени нет его разглядывать. Работа, вот она, с первого дня начинается.

Во взглядах Машеньки на человеческие отношения была та же бесцеремонность, что и в поведении Ильи и Надя почувствовала это, хотя и не уловила полного сходства. Бесцеремонность эта еще была чужда ей и Надя в смущении повторила:

– Нет, я все-таки так быстро не могу.

Маша улыбнулась.

– Поживете – научитесь.

– А что Викентий Петрович, очень строгий?

Интерес Нади к Викентию Петровичу был законным: он был начальником партии, с которым, по выражению самой же Машеньки, предстояло проработать весь сезон. Но только Надя личным наблюдениям предпочитала вопросы.

Машенька ответила неопределенно:

– Человек, не строгий к себе, не может быть строгим к другим.

Надя не поняла ее.

– А что, он разве к себе не строг?

– Я не сказала этого. Я сказала вообще.

Надя не заметила, что Маша уклонилась от ответа.

– Мне он показался строгим, – призналась она.

– Это только показалось, – поспешила заверить ее Машенька, но тут же добавила, – правда, Викентий Петрович не любит нерадивых. С ними он не только строг – беспощаден.

– Я буду стараться, – сказала Надя и, помимо воли, это получилось у нее жалобно.

Машенька засмеялась.

– Ну, мы вас в обиду не дадим. Вы не смотрите, что я маленькая. Меня тут все боятся. Да и Илья парень зубастый, хотя и обритый наголо.

Надя не могла не улыбнуться, вспомнив этого веселого чудаковатого парня. Правда, она не представляла, как Илья мог противостоять Викентию Петровичу, но то, что она могла на него положиться, было несомненно.

Пока Надя улыбалась своим мыслям, Машенька перешла к расспросам сама:

– Вы из университета или с разведочного?

– Из университета.

– С какого курса?

– С четвертого.

– Кончили четвертый или перешли?

– Перешла на четвертый.

– Так. Значит, первая производственная практика, – подвела итог Машенька. – Будущий почвовед? Или геохимик?

– Вы знаете, когда я поступала на геологический, у меня было самое общее представление – геология это наука о земле, а геолог – человек, который лазает с молотком по скалам. А я люблю природу: скалы, лес, море. Море в бурю.

– А Вы видели море?

– Нет.

Машенька улыбнулась.

– Продолжайте, я слушаю.

– Ну и вот, а когда я проучилась немного, то увидела, что геология это обширнейшая наука и разделов в ней не сосчитать. И я, признаться, еще не выбрала себе специализации. Интересно и петрографом, и минералогом, и геохимиком, и почвоведом.

– Идите к нам на съемку, – убежденно сказала Машенька. – Это увлекательнейшая область геологии. Будете исследовать не состав отдельной породы, и не ее строение, не сочетание минералов с их химическими причудами, – будете изучать земную поверхность целиком, историю ее образования, изменения происшедшие за миллионы и миллионы лет. Создать геологическую карту все равно, что роман написать. Я уже не говорю про природу. Природы сколько хочешь. И все в бурю, – добавила она с улыбкой.

Вечером Надя дописывала письмо. Палатка, как и днем, была пуста. Жары уже не было, работа на территории базы была закончена, а все койки вокруг, тем не менее, по-прежнему стояли пустые – кто ушел в городской парк, кто в кино, кто просто так побродить в темноте над рекой.

Маша с Ильей заходили и за Надей, звали ее.

– Последний раз пройтись, – сказал Илья. – Завтра на три с половиной месяца, а то и больше...

Но Надя отказалась. Яркая электрическая лампочка, свисая на голом шнуре прямо со столба посредине палатки, освещала пустые койки, пересекаемые черной тенью столба. Из под коек выглядывали брошенные тапочки и углы чемоданов. За палаткой, на этот раз уже громко и бесцеремонно, играла музыка – транслировался какой-то концерт. Через открытый полог в темноте небосвода заглядывала одинокая серебристая звездочка и от столбов доносились голоса: двое играли в шахматы, а человек пять вокруг «болели», да так, что Наде все было слышно.

Она перечеркнула написанное днем и начала сначала:

«Милая Люсенька, ты знаешь, как мне не хотелось ехать в эту Экспедицию. Я готова была выпрыгнуть из поезда и бежать, бежать без оглядки назад по шпалам. Но... я не выпрыгнула и вот я здесь. Люди поначалу показались мне чужими. Особенно начальник Викентий Петрович Инокентьев. Все о нем очень хорошо отзываются, он считается одним из лучших геологов Экспедиции, а мне он показался холодным и высокомерным. Или нет, это не то слово, просто мне страшно ехать с таким все знающим человеком. Ведь я просто маленькая-маленькая. А вдруг он что-нибудь спросит, а я не знаю?»

Вторым человеком, с которым я здесь познакомилась, был прораб поисковик Илья Векшин. Представь себе перепачканного в муке грузчика в мешковатых штанах, с обритой головой как у каторжника и со студенческим билетом в кармане – он дипломант с геолого-разведочного. Ему лет двадцать пять, бесцеремонен, как все вояки, очутившиеся вне армии и еще не нашедшие себя в мирной обстановке. Правда, он уже успел жениться. У него симпатичная и, видимо, капризная жена и замечательный бутуз. Обоих он страшно любит. Ко всему он страшный семьянин. Слова «измена жене» ему просто непонятны и до сих пор не известны. Он очень внимателен ко мне. Вот, кажется, и все, что я пока могу о нем сказать. Машенька,

это наш геолог, очень славная женщина, подшучивает над ним, но он не обижается. Машенька старше меня лет на восемь, но я уже чувствую себя с ней, как с подругой. Мы часа три болтали о всякой всячине. Не знаю почему, но я вдруг все рассказала ей о себе. Надеюсь, мы с ней не будем ссориться.

Еще я хотела рассказать тебе о здешней природе. Пока ничего интересного. Городок, правда, симпатичный. С белокаменной церковью и шумным базаром. Хорош мост через реку Бию. Он понтонный и на ночь раздвигается. Горы пока очень далеко, чуть-чуть виднеются.

Вот и все пока. Устала и что-то очень спать хочу. В следующий раз напишу подробней. Ты не забывай меня, Люсенька. Пиши. Хоть вокруг меня и неплохие как будто люди, а все-таки я без тебя одна...».

Письмо было по существу окончено, но Наде казалось, что чего-то очень важного она все-таки не рассказала. Она старалась быть объективной, подробно и последовательно изложить события дня и быть может поэтому письму не хватало ее личного отношения к окружающему?

Надя перечитала письмо и неожиданно для себя в конце приписала: «А Илья, все-таки, славный парень. Он такой смешной, когда говорит о жене и сыне. Интересно, а какая я буду влюбленная?..».

Приписка была нелогична, но Надя улыбнулась: вот так, теперь в письме было все, что нужно.

– Люся поймет меня, – подумала она, заклеивая конверт.

3

Илья тряс Надю за плечо и настойчивым шепотом повторял:

– Вставайте... Слышите? Мы уезжаем...

Надя не хотела просыпаться. Обрывки теплых снов цеплялись за нее, удерживали в спальном мешке. Наде хотелось еще понежиться, досмотреть что-то ласковое и светлое, но она ответила:

– Да, да... Сейчас встаю.

Лампочка на голом шнуре горела еще ярче, чем вечером. Все вокруг спали и свет ее показался Наде сейчас ненужным и раздражающим. Она закрыла глаза и хотела было потянуться, но на дворе загудел мотор, один, второй – шоферы заводили машины, – и Надя поспешно вылезла из мешка.

Над двором плыли фиолетовые сумерки. Около машин ходили темные фигуры, о чем-то в полголоса переговариваясь. Посредине двора, также как и в палатке, ярко и ненужно горела большая электрическая лампочка.

Зябко поеживаясь, Надя умылась под рукомойником и поспешно вернулась в палатку. Ночь оказалась на редкость холодная, что после жаркого дня было особенно удивительно.

Снова пришел Илья.

– Давайте, я отнесу ваши вещи на машину, – свистящим шепотом сказал он.

Надя подала ему чемодан, а сама взяла рюкзак, готовясь выйти вместе с ним. Илья оглядел ее критическим взглядом. Надя была одета, как и днем – легкая юбочка и шелковая блузка.

– В дорогу надо одеваться теплее, – сказал Илья. На нем была телогрейка, а под ней свитер. – Наденьте телогрейку, – посоветовал он и добавил: – «Телогрейка – это человек!..».

– Я не замерзну, – заверила его Надя.

Илья что-то проворчал на счет городского вида и они вышли. Машины, предназначенные к отправке, стояли у ворот. Их было три. Две были загружены с расчетом, чтобы на каждую уместилось еще по несколько человек пассажиров, а третья, груженная через верх и зачехленная брезентом, походила на большого одногорбого верблюда.

Илья сунул Надины вещи в кузов первой машины и вместе с шофером стал затягивать веревками брезент. У второй машины то же самое проделывали экспедиционные рабочие. Это были молодые ребята, очевидно, как и Надя, впервые попавшие в такую экспедицию. Они теснились кучкой и делали гуртом то, что Илья делал один.

Подошел Инокентьев в сопровождении начальника экспедиции.

– Ну как, все готовы? – спросил Викентий Петрович.

– Все, – ответил Илья.

– Тогда поехали.

Викентий Петрович сел в кабину и захлопнул за собой дверцу. Шофер нажал акселератор. Мотор загудел, ему отозвался мотор второй машины, потом третьей. Рабочие поспешно залезали на свои места. Начальник экспедиции отошел в сторону, как бы давая дорогу. Сторож распахнул ворота. И машина медленно, чтобы не задеть их бортами, выехала со двора.

Как только машина выехала за город, открылись горы. Их вершины смутно вырисовывались на фоне еще темного неба. Но на востоке оно уже светилось зеленовато-голубоватыми, даже оранжевыми тонами. И чем дальше они ехали, тем светлее становились краски, но горы все еще продолжали стоять в фиолетовой дымке и только там, где должно было взойти солнце, их вершины казались розовыми.

На машине было еще холоднее, чем во дворе. Надя не имела такого красивого шерстяного свитера как у Маши, а телогрейку она не одела. Просто не могла предположить, что летом может быть так холодно, даже ночью.

Она попыталась устроиться поудобнее, втиснулась поплотнее между Ильей и Машенькой, но ветер проникал и сюда. Надя снова переменяла положение и опять безрезультатно. Илья покосился на нее раз, другой, потом молча снял телогрейку и накинул ей на плечи.

Надя слабо пыталась протестовать.

– Вам же будет холодно...

– Я в свитере, – сказал Илья. – А вообще, конечно, следовало бы вас проучить, чтобы не модничали.

– Ложитесь в серединку, – примирительно сказала ему Надя.

– Переживу, – проворчал Илья, натягивая на плечи плащ с капюшоном, надувающийся ветром как парус.

Наконец, Илья справился с плащом и лег на свое место.

– Сейчас прижмемся друг к другу – пулей не прошибешь, – уже весело сказал он и в самом деле придвинулся к Наде близко-близко, так близко, что непонятное тревожное чувство вдруг охватило ее. Она лежала напряженно прислушиваясь к гулкому стуку своего сердца – что это с ним, и к Илье – не пошевелится ли он, не скажет ли чего?..

Но Илья лежал неподвижно, дорожная тряска укачивала, казался ранний час, да и спали они этой ночью мало. Даже когда машину встряхивало на ухабах, Надя не открывала глаза. Ей было тепло и уютно.

– Хороший парень, – еще раз подумала она про Илью. – Отдал мне свою телогрейку, а сам стынет на краю в одном свитере... И заснула.

Проснулась Надя часов в десять. Солнце стояло высоко и Наде снова стало жарко. Викентий Петрович как раз в это время остановил машину и вылез из кабины.

– Ну как, не замерзли? – спросил он.

– Нет, – в один голос ответили Маша и Илья.

– А то полезайте кто-нибудь в кабину. Мария Михайловна?

– Нет, пусть уж в кабине начальство ездит, – засмеялась Машенька.

– Надя, может быть, Вы сядете? – обратился Викентий Петрович к ней по имени.

– Спасибо, мне тепло, – сказала Надя. Ей на самом деле было тепло, но и все равно она бы не села в кабину.

– Как хотите, – сказал Викентий Петрович. – Тогда пять минут стоянка, размять ноги.

Надя сняла телогрейку, данную Ильей в дороге, и отдала Илье.

– Спасибо, – сказала она. – Мне больше не нужно.

– Как не нужно? А под себя? – Илья расстелил телогрейку. – Вот так, чтобы мягче было.

Надя улыбалась ему и он, как всегда, весело добавил:

– Телогрейка – это великое русское изобретение.

– А я слышала, ее китайцы придумали, – сказала Надя.

– Ну, не будем спорить.

Илья спрыгнул с машины и хотел помочь Наде.

– Я сама, – сказала она, перекидывая ногу через борт машины, но раздумала. – Где мой рюкзак? – спросила она.

– Зачем?

– Я переоденусь.

– Вот, никогда сразу не послушаются... – Илья имел манеру ворчать, хотя на самом деле был добрейший парень. – Рюкзак сзади, вон там... Да вам его не достать, – сказал он, видя как

Надя беспомощно пытается отогнуть прочно увязанный брезент. Он снова залез на машину и освободил рюкзак. Надя вынула легкие спортивные брюки на резинках и спрыгнула на землю.

Машина стояла на перевале. По краям тракта за сточными канавами густо росли кусты и деревья. Высокая, в пояс человека, трава пестрела цветами. Синели полосы незабудок, адели маки, левкой приветливо качали белыми головками. Надя и Маша пошли в их зеленую чащу, пригибаясь, раздвигая ветви руками.

– Как хорошо здесь, – сказала Надя.

– Впереди еще полно таких мест, – отозвалась Маша. Она собирала цветы.

Надя остановилась и начала переодеваться. Когда она догнала Машеньку, настойчивый гудок автомобиля позвал их во второй раз.

Викентий Петрович уже сидел в кабине, Илья бродил у машины.

– Где вы запропались? – спросил он.

– Не ворчи. Цветы тебе собирали. Держи. – Машенька сунула букет в руки Илье и полезла на машину.

Илья влез за ней, цветы он небрежно кинул на кабину.

– Нет в тебе чувства прекрасного, – сказала ему Машенька. – Я дома всегда покупаю живые цветы, пожалуй, это единственное, на что я никогда не жалею тратить деньги.

– Я тоже люблю цветы, – сказала Надя. – Очень люблю.

– Подумаешь, цветочки, лепесточки, – передразнил их Илья. – Вы посмотрите на горы. Вот где силища! Красота, факт!

На повороте ветер рванул с новой силой и цветы разбросало по кузову.

– Илья! – закричала Машенька. – Имей в виду! Я тебя заставлю собрать мне такой же букет.

– Сейчас или немного погодя? – невозмутимо осведомился Илья.

– Ты у меня поговоришь... – Машенька замолчала, потому что с Ильей спорить было бесполезно. Он сидел лицом к ветру и неотступно следил, как прямо на глазах приближались, вырастали горы, обретая все новые и новые причудливые и неповторимые формы.

Они походили то на египетские пирамиды, то на причудливые башни средневековых замков, то на гигантские вееры, раскинутые по горизонту. Каждый новый поворот дороги являл новую картину и только далекий снежный пик Белухи казался нарисованным на неподвижном фоне синего июньского неба.

В два часа остановились в проезжем селе у чайной. Чайная была небольшая, совсем не такая, как в фильме «Сказание о земле сибирской», но чистенькая и уютная. У стойки толпился проезжий люд, было много шоферов. Они переговаривались друг с другом, с буфетчицей, с официанткой, называли их по имени и чувствовалось, что они часто ездят по тракту и бывают здесь как у себя дома.

Обед заказывал Викентий Петрович. Взяли по борщу и по котлете с макаронами. От «стопочки» все отказались. Шофер сказал, что ему нельзя, Илья, что «не употребляет по одной». Викентий Петрович подумал было, но все же отказался, предварительно посмотрев почему-то на Машу и Надю. По каким-то неуловимым признакам Надя чувствовала, что и Викентий Петрович, и Маша, и Илья держатся здесь как будто бы всю жизнь только и делали, что обедали в чайных. Маша, с помощью рабочих, бесцеремонно сдвинула столы в один ряд, Инокентьев непринужденно сделал заказ сразу на всех, а Илья даже пошутил с официанткой, так же, как и проезжие шоферы, назвав по имени, хотя видел ее в первый раз.

За съеденный обед расплачивался Викентий Петрович и это тоже понравилось Наде. Хорошо было видеть, как складывается коллектив, с которым предстояло жить и работать. И законы коллективной жизни тоже нравились Наде.

Село с чайной осталось позади, как и ряд других селений – мелькнуло и исчезло. К вечеру горы обступили машину со всех сторон. Надя уже утомилась следить за их непрерывно меняющимися причудливыми формами, но все вокруг было так необычно, так интересно, что она оторвалась от них только когда уже совсем стало темно. Машина, фырча, брала подъем за подъемом. Мотор гудел хрипло и натружено. У речек, пересекавших дорогу, шофер останавливался, брал черное помятое ведро и спускался под мостки. Когда он отвинчивал крышку на радиаторе, оттуда со свистом вырывался пар. Холодная вода, булькая, исчезала в маленьком отверстии и, так как это повторялось за дорогу не один раз, казалось, что радиатор не имеет дна. Потом шофер снова включал газ и по сторонам опять плыли темные массивы скал.

Ехали молча. Иногда лежали, глядя в звездное небо. Оно казалось насаженным на вершины скал. Иногда приподнимались, смотрели на дорогу. Впереди машины прыгало желтое расплывчатое пятно и за ним мрак казался еще гуще. Позади виднелись фары второй машины. Когда она отставала, фары казались двумя большими сверкающими глазами чудовища ползущего по дороге, когда машина приближалась, они ослепляли, за ними ничего не было видно. Третья машина, похожая на одногорбого верблюда, обогнала их еще в селе, где они обедали. Она шла с грузом в соседние партии и не стала задерживаться.

Снова похолодало. Надя надела телогрейку, но на этот раз свою. Лежа на спине, она смотрела в звездное небо, слушала шум мотора и ни о чем уже не думала. Было только удивительно, что шофер, выехав на рассвете, продолжает свой путь и в темноте. В темноте, которой не было конца, как и дороге. Впрочем, дорога вскоре кончилась, во всяком случае, хорошая дорога. Или машина свернула на проселок, Надя в темноте не заметила. Теперь лежать было не так удобно. Надю бросало то на Илью, то на Машеньку, а их, в свою очередь, бросало на Надю. И они все трое вцепились друг в дружку, так было устойчивее, но никто из них не подумал об остановке. И, когда машина остановилась, Надя решила, что это очередная передышка, чтобы набрать воды или что-нибудь в этом роде.

Но Илья соскочил с машины и возвестил:

– Приехали.

Машина стояла оперевшись светлым пучком фар в стенку какого-то домика. По бокам темнели еще какие-то строения. Из домика, на призывный гудок машины, вышел какой-то паренек и, закрываясь рукой от яркого света фар, пошел на встречу Викентию Петровичу. Тот уже вылез из кабины и показывал второй машине куда стать.

Паренек подошел к Викентию Петровичу и степенно поздоровался с ним за руку.

– Приехали, – сказал он. – А я вас уже заждался.

Потом он подошел к Илье и поздоровался с ним точно таким же образом.

– Где Петров? – спросил его Викентий Петрович.

– В избе. Он ноги застудил.

Надя, вслед за Викентием Петровичем, вошла в избу и увидела человека. Он сидел в кальсонах и шинели. Надя в смущении отвернулась, а он не спеша запахнул шинель, из под которой все же были видны его босые ноги и болтающиеся белые тесемочки.

– Рыбу сегодня ловил, – объяснял он Викентию Петровичу простуженным голосом. – Таймень здоровенный попал. Я его водил, водил, того гляди крючок оборвет. А потом как потянул, я за ним в воду, аж по грудки...

– Ушел? – тревожно спросил Викентий Петрович и Надя удивилась: первый раз она услышала, что Викентий Петрович может говорить не тем бесстрастным голосом, к которому она привыкла за два дня.

– Что Вы, Викентий Петрович! – Петров улыбнулся такой широкой улыбкой, что Надя сразу простила ему его непрезентабельный вид. – Как можно? Мы, как вашу радиogramму получили, что вы выезжаете, специально за этим тайменем пошли...

Тут Надя увидела, что в углу комнаты стоят два сереньких ящичка радиостанции, а над ними висят мокрые штаны Петрова. Между тем Илья и встречавший их паренек, которого звали Серегой, накрывали на стол ужин. Злополучный таймень оказался уже сваренным, к нему откуда-то появились два пол-литра и Надя не успела опомниться, как уже сидела за столом в разнородной и шумной компании. Впрочем, Викентий Петрович засиживаться никому не дал. Он разогнал всех спать. Рабочие ушли на сеновал, Илья на машину. Надя и Машенька

постелили свои мешки в комнате, тут же около стола. Викентий Петрович вышел, когда они ложились, потом вернулся, посмотрел на них, взял свой спальный мешок и ушел к Илье.

– Я думала, он здесь ляжет, – шепотом сказала Надя. – Машенька только хмыкнула в ответ.

– На него когда что найдет.

Пришел Петров. Он так и ходил на улицу в шинели и босиком.

– Называется, человек ноги простудил, – подумала про него Надя.

Петров загасил лампу, пожелал спокойной ночи и лег на деревянную кровать, заскрипевшую под ним как несмазанная телега.

– Однако, этот Петров не очень вежлив, – шепотом на ухо Машеньке сказала Надя. – Он мог бы предложить кровать нам.

– Что ты, – сказала Маша и Надя не заметила, что она назвала ее на «ты».

– Я и сама на эту кровать ни за что бы не легла.

– Почему?

– Так. Предпочитаю спальный мешок и палатку. Я бы и сейчас пошла на улицу, да устала.

Надя и сама очень устала. Почти суточная поездка в кузове грузовой машины по тряским дорогам сказывалась теперь со всей полнотой. Надя закрыла глаза, а когда открыла, то увидела, что в комнате уже совсем светло, а рядом сидит Петров и выстукивает ключом ти-ти-тата. Одет он уже был вполне прилично.

– Сколько время? – спросила Надя.

Петров не ответил. Он, очевидно, и не слышал ее. Надя потянулась за часами, которые она положила на подоконник. Стрелки показывали четверть седьмого.

Маша спала, чуть приоткрыв рот. Лицо у нее во сне было какое-то чужое. А ведь всего несколько часов назад Надя шепталась с ней и, казалось, что они давно-давно знакомы, а на самом деле сколько, три... нет, два дня. Петров кончил выстукивать и улыбнулся ей, как старой знакомой.

– Спице, еще рано.

– Не хочется, – сказала Надя. Ей и в самом деле не хотелось спать, даже удивительно было, ведь она так устала.

Петров ушел, и Надя вылезла из спального мешка, оделась и тоже вышла во двор.

4

Петух на плетне орал восходящему солнцу. Черная лохматая собака подошла к Наде, обнюхала ее ноги и, задрав голову, заглянула в глаза. Надя погладила ее и пес приветливо лизнул ей руку.

С реки шел Викентий Петрович. Через плечо у него висело мохнатое полотенце.

– Встали, – сказал он. – Хорошо. Ранней пташке всегда больше дается.

Надя наблюдала, как постепенно пробуждалась жизнь во дворе.

Прошел Илья, кивнул, сказал:

– С добрым утром.

Потом поднялся на сеновал, гаркнул по-военному:

– Четвертая гвардейская, подъем!

– Четвертая, это номер партии, – подумала Надя. – А почему гвардейская? Наверное так, для красного словца.

Работяги слезали заспанные, всклокоченные, с соломой в волосах.

– Быстренько, быстренько, – поторапливал их Илья. – Викентий Петрович сказал, сегодня в маршрут пойдем.

– Как, так сразу? – спросила Надя.

– А что нам тут сидеть? Они, – Илья кивнул на рабочих, – пока палатки поставят, дров заготовят, истопят баньку, а мы в маршрут. Умылись? – вдруг неожиданно осведомился он. – Нет? Тогда пошли вместе. Серега! Петров! Показывайте, где у вас тут места для купанья. Маша! – Илья постучал в окошко. – Вставай, пошли купаться.

– Я спать хочу, – сердито отозвалась Машенька.

– Викентий Петрович придет, он тебе задаст спать. Пошли, Надя.

В сопровождении Сереги и Петрова они дошли до речки.

– Вот здесь хорошо, – сказал Серега.

– А за этими камнями глубь, – добавил Петров. – Только на быстрину не заплывайте, понесет... – Последнее относилось к Наде.

– Я хорошо плаваю, – сказала она.

– Уменье тут ни при чем. Понесет по камням...

– Уйди, не пугай, – сказал Илья. – Давайте, Надя. Раздевайтесь.

Предложение было столь категорично, что даже Серега с Петровым засмеялись.

– Нет, – сказала Надя. – Вода холодная.

– И мокрая, – пошутил Серега.

– А ну вас, – сказал Илья. – Одна спит, другая ломается.

Он снял брюки, скинул майку, словно выпустил на волю синего орла. Потом ушел в кусты и вскоре вернулся в одних плавках.

Надя не хотела смотреть на него и все-таки смотрела. У него были сильные и стройные ноги. Он пощупал пальцами воду, сказал «Брр» и разом окунулся.

– Вва, вот это вода.

Илья выскочил на берег и замахал руками. Капли воды стекали с него, моча камни под ногами. Синий орел на его груди, в такт движению взмахивал могучими крылами, стремясь ввысь. В когтях он нес обрывок разорванной цепи.

«Сбейте оковы, дайте мне волю. Я научу вас свободу любить».

Илья вдруг широко расставив руки, мокрый и взъерошенный пошел на них.

– Ну, кого искупать?

Надя попятилась. Было похоже, что Илья в самом деле мог взять ее на руки и снести в воду.

Но сверху раздался окрик:

– Илья!

Викентий Петрович и Машенька мирно спускались по тропинке. Махровое полотенце Викентия Петровича было перекинуто через его плечо, Машенька размахивала своим полотенцем, как знаменем перед атакой.

– Ты что это, с утра на людей начал кидаться?

– Я шутил... – смущенно ответил Илья.

– Шутил? Вот я напишу твоей Иринке про эти шутки...

– Да что ты, Маша! Конечно же он шутил, – испугалась за Илью Надя.

Викентий Петрович и Машенька так дружно засмеялись, что Наде ничего больше не осталось как отойти в сторону и начать умываться. Зеленовато-прозрачная вода стремительно неслась по камням, била в подставленные Надей ладошки, подхватывала хлопья мыльной пены и стремительно уносила ее куда-то.

Машенька, Илья и Викентий Петрович не сговариваясь молча стояли на берегу, наблюдая, как Надя плескает себе на лицо, на шею горсти холодной воды. Машенька так просто любовалась ею. Больше утверждая, чем спрашивая, она сказала:

– А Надя все-таки славная девушка, не правда?

– Славная, – согласился Илья.

– И красивая.

– Красивая. Впрочем, это для меня не так важно.

– А что важно? – как будто равнодушно спросил Викентий Петрович.

– То, что славная.

– Эх, ты! Бритый-стриженный! – засмеялась Машенька. – Что бы ты понимал в этом.

А Викентий Петрович сказал весело:

– А самое главное в этом, что он для нее такой же славный, как и она для него.

– Не знаю, – сказал Илья. Он не любил шуток Викентия Петровича.

Но Викентий Петрович не унимался.

– Хотите, мы сейчас это проверим? – и, прежде чем Илья успел что-то ответить, повернулся к Наде, которая шла к ним от речки. – Надя, с кем бы Вы хотели пойти сегодня в маршрут?

Надя, видимо, не ожидала такого вопроса. Она вообще не могла предполагать, что ей будет предоставлено право выбора. Но Викентий Петрович спрашивал серьезно и она ответила почти сразу:

– С Иллей.

Ответила и вспыхнула.

– Ага! Что я говорил?! – засмеялся Викентий Петрович. И Машенька тоже засмеялась, а Илья смутился и опустил голову.

– Не понимаю, что тут смешного? – сказала Надя.

Она чувствовала, что попала впросак, но в чем именно, понять не могла. Кроме того, она не видела никакой причины, почему бы ей нельзя было пойти с Иллей. Он парень добрый, внимательный к ней и с ним гораздо спокойней, чем с Викентием Петровичем или даже с Машенькой. Чего же они смеются?

Викентий Петрович, наконец, перестал смеяться.

– Шутки шутками, – сказал он, – но дело серьезное. Илья идет в трудный маршрут, на два дня...

– Все равно, – повторила Надя. – Даже еще лучше, что трудный.

– Пешком! Все снаряжение на себе...

– Все равно, – повторила Надя. Она теперь ни за что не отказалась бы от своего решения. Она вдруг посмотрела на Илью – может быть он не хочет идти с ней, а она...

Но Илья смотрел на нее ласково и одобчительно.

– Все равно, – в третий раз упрямо повторила она.

– Ну, что ж, – сказал Викентий Петрович. – Тогда собирайтесь.

Он сказал это отдельно и с удивлением, словно в первый раз увидел перед собой эту ладно сбитую упрямую девушку, но, впрочем, тут же повернулся к реке, как будто его ничего больше не интересовало, кроме умывания.

5

После завтрака Викентий Петрович объявил, чтобы собирались в маршрут. Илья одел новый брезентовый костюм, насчет чего Машенька тут же пошутила:

– Как же ты со старыми брюками расстался?

– И не спрашивай, – отвечал Илья. – С болью в сердце.

И тут же, обращаясь к Наде, пояснил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.